

© 2026 И. А. Казанцева
Тверь, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ф. А. АБРАМОВА: ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ПИСАТЕЛЯ

Аннотация. Исследование истоков мировоззрения Ф. А. Абрамова, во многом сформировавшего художественные и публицистические жанрово-стилевые признаки феномена традиционной отечественной словесности, позволило дополнить представления о творческой индивидуальности писателя. Выявление ключевой роли топосов (Верколы и Пустозерска) способствовало реконструкции целостного пути писателя с учетом важнейших событий его биографии и общественных процессов, участником которых он был. Обозначенный синтез традиций русской православной, православной старообрядческой веры, народного творчества дает возможность более глубокого постижения в эволюции писателя двух полюсов: стремления к вере и ее разрушения. Детализация причин и особенностей творческого взаимодействия с К. П. Гемп, А. А. Михайловым, В. И. Малышевым расширяет представления о закономерностях влияния традиций на уровне творчества писателя и литературного процесса XX в. в его глубинных связях с православием.

Ключевые слова: Ф. А. Абрамов, мировоззрение, православие, проза, публицистика, традиции, фольклор, художественный метод.

Ссылка при цитировании: Казанцева И. А. Религиозные истоки мировоззрения Ф. А. Абрамова: православные традиции в системе координат писателя // Традиции и современность. 2026. № 44. С. 16–26

Казанцева Ирина Александровна (Kazantseva Irina Aleksandrovna) – доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета, эл. почта: irina10768@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2067-0637>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 44. С. 16–26

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 394.91; 82-311.2/82-312.2; ББК – 63.3(2)46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-44/16-26>

Мотивы, определяющие путь Ф. А. Абрамова в литературе, реставрация оснований его художественного метода показывают значимость для писателя двух топосов: его родной деревни Верколы и Пустозерска, места 14-летнего заточения и казни неистового протопопа Аввакума. Православные основания жизни и творчества писателя XX в. были предметом исследований разного уровня. Предпринята даже попытка осмыслить жизнь Ф. А. Абрамова исключительно через религиозную призму в беллетристической форме в романе Н. М. Коняева (Коняев 2023). Исключительно важны деятельность и публикации о религиозной устремленности Ф. А. Абрамова Л. В. Крутиковой-Абрамовой (*Крутикова-Абрамова* 1997: 174–183). Талантливый филолог Л. В. Крутикова-Абрамова много сделала для возрождения Артемиево-Веркольского монастыря, роль которого в формировании писателя проявляется в осмыслении им своего участия в разорении монастыря. Дневниковые записи позволяют постичь глубокую религиозную мировоззренческую основу творчества Ф. А. Абрамова, ее тесную связь с деятельностью писателя, публицистикой и художественными произведениями, восстановить процесс и планы работы. В представлении о Верколе как источнике формирования мировидения Ф. А. Абрамова огромную роль играет посещение родины писателя, его музея и архивов с переданными вдовой документами, а также ее книга «Дом в Верколе» (*Крутикова-Абрамова* 1988). В событиях жизни писателя его вдова видела влияние сакрального топоса. Л. В. Крутикова-Абрамова акцентировала внимание на святом праведном Артемии Веркольском, икона которого сопровождала писателя в жизни и была передана после его смерти в Архангельскую областную научную библиотеку им. Н. А. Добролюбова, где воссоздан кабинет писателя. Важной составляющей творческой жизни Ф. А. Абрамова было задуманное им повествование о житии великомученика Феодора Стратилата. Значимую роль в судьбе писателя сыграл святой праведный Иоанн Кронштадтский, родившийся в соседней Суре. Задумав свой главный роман «Чистая книга» о Гражданской войне на Пинеге (согласно первоначальному замыслу), Ф. А. Абрамов в 1960 г. повторил на плоте путь красноармейского отряда Щенникова и Кулакова 1918 г. В его записных книжках лета 1960 г. содержатся записи устных свидетельств о святом праведном Иоанне Кронштадтском. «Давно интересуюсь этим человеком. В 1960 году, когда я на плотике проехал всю Пинегу – сверху донизу, – я в каждой деревне о нем спрашивал» (*Абрамов* 1990–1995. Т. 6: 640). В кабинете писателя хранятся книги из личной библиотеки Абрамовых, в которой много религиозной литературы, изучав-

шейся писателем. Мы убеждаемся, что ключевыми образами для постижения преемственности духовно-нравственных оснований должны были стать исторические фигуры святого праведного Иоанна Кронштадтского, важные черты личности и стиля посланий протопопа Аввакума (Петрова) и художественный образ Махоньки как воплощение лучших национальных черт, определившихся в том числе благодаря изучению писателем жизни русской северной сказительницы и песельницы Марии Дмитриевны Кривополеновой (1843–1924); предполагалось, что героиня будущего романа одновременно живет в Древней Руси и в XX в.

Цельность художественной образности и достоверность изображаемого рождаются от религиозного основания, вопрос «прорастания» христианства в мировоззрении – предмет данного исследования. Широко было отмечено 100-летие, тише – 105-летие Ф. А. Абрамова, архангелогородцы вносят значительный вклад в изучение творческой биографии писателя (*Доморощенин* 2019). Основные материалы, связанные с жизнью художника слова, помимо Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, бережно хранятся в литературном музее в Верколе, в воссозданном кабинете писателя в Архангельской универсальной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова. Творчество Ф. А. Абрамова задает критерии, определяющие вектор развития русской литературы второй половины XX в.: преемственность народных идеалов святости, искренность, самопожертвование. Для Ф. А. Абрамова нравственным ориентиром были люди, подобные его учителю А. Ф. Калининцеву, который видел свою миссию в просвещении народа, разделении его скорбей и участи, при этом без идеализации и романтизации. Для дополнения целостной картины отечественной литературы необходимо обратиться к истокам, связующим Верколу и Пустозерск, и к людям, общение с которыми наглядно и последовательно воссоздает мировоззренческие истоки творчества. Ценностным ориентиром в этой работе становятся жизнь и труды протопопа Аввакума и круг единомышленников писателя, деятельность которых в разной степени связана с этой исторической фигурой.

Существенную помощь в данной работе оказали труды Г. Г. Мартынова (*Мартынов* 2015, 2017, 2019). Имея возможность исследования домашнего архива писателя, он проделал огромную квалифицированную работу, возможно, поэтому не реализовал разрешение работать в архивном фонде рукописного отдела ИРЛИ, когда значительно позже часть архивов была передана Людмилой Владимировной Крутиковой-Абрамовой в Санкт-Петербург. Трудившийся в данном архиве О. Д. Трушин (*Трушин*

2021) опубликовал книгу в серии ЖЗЛ; архивные материалы составляют значительную ее часть, но отчасти (по нашему глубокому убеждению) служат беллетризации фактов жизни писателя и описанию мифов, что, вероятно, можно объяснить только ее жанровой спецификой. Важными для освещения проблематики были воспоминания А. А. Михайлова (Михайлов 1999), В. Ф. Толкачева (Толкачев 2020) и Л. Б. Толкачевой (Толкачева 2020).

Корни Ф. А. Абрамова в деревне Веркола Архангельской обл. И это применительно к писателю не метафора. В Верколу он приезжал почти каждое лето, без этого места и диалогов с земляками, которые непосредственно фиксируются в воспоминаниях, письмах, дневниках, он не представлял своей жизни. Влияние данного топоса отражается в художественных, литературно-критических и публицистических произведениях. Первым из них была смелая статья 1954 г. молодого, еще никому не известного критика «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (Абрамов 1954: 210–231). Именно она во многом определила направление литературного и литературно-критического процессов на годы вперед, в ней представлены детальное знание колхозной жизни и рожденная в Верколе глубокая боль за положение крестьянина, поэтому статья никого не оставляет равнодушным и позволяет читателям подняться от конкретики к обобщениям. Отметим ключевые для проблематики статьи тетралогии «Братья и сестры», повести и рассказы «Пелагея», «Деревянные кони», «Из колена Аввакумова», очерковую «Вокруг да около», открытое письмо землякам «Чем живём-кормимся?». В названных произведениях настолько зримо и достоверно достигается сопереживание духовной и бытовой сторон жизни деревни и северянина, что веркольцы, несмотря на опровержения писателя, предъявляли претензии к прототипам, увиденным ими в собирательных образах романов и повестей.

Наделение героев типологическими чертами крестьян Архангельской обл. для писателя невысказано без выявления душевных нюансов, придающих каждому характеру жизненность. Если говорить о публицистике, то в ней за конкретикой веркольской жизни отчетливо виделись общесоциальные вопросы духовно-нравственного и социально-экономического порядка. Включенность в проблемы земляков нашла отражение в активной жизненной позиции Ф. А. Абрамова-депутата; этот статус он воспринимал как возможность сделать что-либо полезное для маленького человека. Непосредственное влияние на жизнь, заступничество за наиболее незащищенных – важнейшие качества писателя, которые в ретроспективе направляют нас к традициям народного правдоискательства. Во вре-

мя выступления в Останкино в 1981 г., объясняя мотивы написания в 1979 г. вызвавшего обиду веркольцев открытого письма «Чем живём-кормимся?», он скажет: «И самый главный из них – это равнодушие, безразличие, которое я наблюдаю в нашей жизни и с которым нередко сталкиваюсь» (Абрамов 1990–1995. Т. 5: 60). В своих страстных публицистических выступлениях и публикациях Ф. А. Абрамов неистовым стремлением к деятельному утверждению нравственных оснований, верности совести, пониманию жизни как служения руководствуется максималистскими аввакумовскими критериями.

Изучение эпистолярного наследия писателя и дневников подтверждает, что в его круге общения при разной степени сближения было несколько значимых людей, каждый из которых играет знаковую роль в понимании его мировоззрения и стиля. Это ученые, связанные с Севером, не обязательно по месту рождения, но по центру притяжения их интересов. Из круга важных имен остановимся на трех, недостаточно представленных в исследованиях творчества писателя. В. И. Малышев, А. А. Михайлов, К. П. Гемп – люди, с которыми Ф. А. Абрамов познакомился в разное время, их объединяет постижение роли старообрядчества в русской культуре. В творчестве писателя можно выделить несколько направлений влияния этой религиозной традиции через личность неистового протоппа Аввакума: нравственный ориентир, единица измерения духовных качеств человека, стиль посланий.

После посещения Ф. А. Абрамовым Пустозерска 13 августа 1981 г. Ксения Петровна Гемп подарила ему хранящуюся ныне в кабинете писателя в Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова книгу 1934 г. издания «Житие протоппа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения» (Аввакум 1934) с такой надписью: «Фёдору Абрамову. Честность, честь, боль – Ваша книга. Прозрение, горькое счастье – Ваш труд. Так думаю. Ксения Гемп. Сердечно. Архангельск. 13 августа 1981 года. Память о Пустозерцах – это ещё» (Крутикова-Абрамова 2003: 43). Это свидетельство достижения Пустозерска приоткрывает нам историю их общения. Прожившая интересную, почти 100-летнюю жизнь, создавшая целую научную отрасль – альгологию, К. П. Гемп в 1912 г. училась у исследователя старообрядчества Я. Л. Барскова. Изучая творчество протоппа Аввакума, в 1913 г. отправилась в свою первую беломорскую экспедицию, в которой познавала старообрядчество, когда традиции и их носители были широко распространены на Севере, собрала огромный массив легенд о протоппе Аввакуме. Именно Ф. А. Абрамов повлиял на ее решение написать книгу «Сказ о Беломорье», когда Ксения Петровна получила серьезную травму

и временно не могла покинуть свою квартиру, а деятельная натура требовала выхода. Л. В. Крутикова-Абрамова пишет: «Федор Абрамов не раз встречался с К. П. Гемп в Архангельске и не раз с восторгом говорил о ее личности, жизни, творчестве <...>. После встречи в апреле 1981 года в Архангельске он записал: "...Ксения Петровна меня воскресила. От нее хлынул небывалый свет. Беседы с ней, общение смыли с меня всю пыль и грязь повседневности, весь мусор тщеславия, – я вышел от нее как из духовной бани... <...>. Великая северянка. Стал читать. Какой ум. Какая поразительная свежесть..."» (Абрамов 1990–1995. Т. 5: 634). Дружеское общение соратников иллюстрируют другие автографы. В сентябре 1981 г. Фёдор Александрович дарит К. П. Гемп свой роман «Дом» с надписью: «Милой и бесконечно дорогой К. П. Гемп, встреча с которой дала мне столько радости, веры и света! Ф. Абрамов (20.IX.1981)» (Петров 2019: 87).

Ф. А. Абрамов ценил преданность ученого Русскому Северу, ее талант и отзывчивость, отмечал писательский дар и написал статью о ее книге «Сказ о Беломорье», в которой дана такая характеристика: «Это свободный раскованный рассказ человека, который выступает в самых разнообразных ипостасях: то как неутомимая, более чем с пятидесятилетним стажем труженица моря, то как ученый-биолог, то как географ и историк, то как этнограф и фольклорист. И потому таким богатством содержания и красок отличается эта книга. Книга, которая, я не сомневаюсь, будет с живейшим интересом встречена самым широким читателем» (Абрамов 1990–1995. Т. 5: 462). Статья «Ксения Гемп и ее "Сказ о Беломорье"» вышла уже после смерти Ф. А. Абрамова как вступительная статья к «Сказу» (Абрамов 1983: 6).

Другое ключевое событие пути от Верколы к Пустозерску – встреча писателя с создателем древлехранилища Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, аввакумоведом В. И. Малышевым во время первой поездки на Соловки в 1966 г. Ее значение еще не оценено в должной мере, но именно их общение соединило в творческих и жизненных планах судьбы писателя и протопopa Аввакума. Религиозные основания словесности всегда были глубоко интересны писателю. Важным является факт происхождения из староверов его родных по линии отца и матери: «Дед по линии отца писателя и бабка по линии матери в ответ на вопрос о вероисповедании заявили о своей принадлежности к старообрядцам филипповского толка. И это официально отмечено в переписном документе. А все их дети зарегистрированы как православные», – свидетельствует исследователь генеалогического древа Абрамовых Е. И. Овсянкин (Овсянкин 2010: 28). Е. И. Овсянкин пишет о

старообрядческих корнях глубоко повлиявшей на Ф. А. Абрамова тетушки Ириньи, сестры его матери (о чем неоднократно писал и говорил сам писатель): «Свидетельство об этом (старообрядчестве. – И. К.) мы находим не только в документах, но и у самого Федора Александровича, утверждавшего, что его "родная тетушка Иринья... была очень религиозная, староверка", хотя, как уже отмечалось выше, по переписи 1897 года она значится как православная» (Овсянкин 2010: 28). Противостояние в одиночку, углубление в проблемы веркольцев, несмотря на сложное положение, вызванное проблематикой, поднимаемой в публицистике, романах и повестях, прямыми действиями депутата в защиту других – в этом он близок эмоциональному накалу идей и готовности идти в отстаивании правды до конца посланиям Аввакума. Для Ф. А. Абрамова характерен суровый укор бездеятельности, но общее чувство по отношению к людям – это любовь и жалость. В нём в силу обстоятельств жизни подспудно обнаруживается свет веры, в подростковом и юношеском возрасте – глубокой благодарностью к тетушке Иринье, позже камертоном, настраивающим на совестьливость в людях, окружающих его и часто связанных с древнерусскими истоками. Думается, что неподдельный интерес к жизни сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой, к фольклорным образам, изучение народного лада жизни и творчества – родом из этого источника.

От Верколы до Пустозерска, находящегося в той же Архангельской обл., немалый и труднодоступный даже по ее масштабам путь; для писателя он оказался еще длиннее. Реставрируя его, мы проходим дорогой очищения и покаяния писателя, пытаемся найти объяснение и проблематики, и стили его произведений. Многие вопросы об эволюции взглядов комсомольца и коммуниста, о приобщении к православной вере становятся отчетливыми, когда возвращаемся к 1967 г., посещению Антониево-Сийского монастыря. Сопровождавший писателя вместе с архангельским краеведом Т. А. Будриным писатель Н. К. Жернаков описывает это так: «Наконец Ф. А. тихо так, словно сообщая грустную новость, произнес: "И я ни разу здесь не бывал... Совсем невозможное дело!"» (Жернаков 1985: 6–7). Дневниковые записи 3 октября 1967 г.: «Какая красота! Какое великолепие! <...> Хорошо! Впечатляюще!» (Мартынов 2019: 277). Возвращаясь к событиям, предшествующим посещению Антониево-Сийского монастыря, нельзя не отметить, что православие для писателя включает как точку отсчета масштаб личности Аввакума, который для него становится мерой искренности и свободы. Получив в мае 1967 г. от А. И. Солженицына копию Письма IV Всероссийскому съезду Союза советских

писателей, он запишет в дневнике: «Документ исторический. <...> Аввакум середины XX века требует отмены всякой цензуры, действенной защиты писательских прав и помощи себе. Да, великое мужество надо иметь, чтобы решиться на это» (Абрамов 1995: 16–17). Глубина измерения личности дополняется бесспорным признанием дара слова протопopa Аввакума, через два года после несостоявшейся первой попытки побывать в Пустозерске осенью 1978 г. он пишет о расшифрованном Ю. Ф. Галкиным дневнике Б. В. Шергина: «По искренности, по наивности Шергин переключается, вероятно, только с одним писателем в русской литературе – с протопопом Аввакумом» (Абрамов 1990–1995. Т. 5: 430). Осознавая важность для писателя гармонии нравственного и эстетического, можно сделать вывод о том, что в личности Аввакума для Ф. А. Абрамова происходит соединение искренности, таланта проповедника и готовности отстаивать свою правду одиноко и до конца. Крепость и сила стояния в вере писателю очевидна в людях, которые уже прошли путь к Пустозерску. В. И. Малышев, как и К. П. Гемп в 1913-м, но уже в 30-е годы XX в. проходит по отдаленным местам Архангельской обл., записывая легенды об Аввакуме, хранимые старообрядцами.

Во влиянии православия на писателя, вероятно, значимы обе ветви религии отцов. Если говорить об отражении старообрядцев в прозе, их образы многочисленны, они включены в традицию оснований народной нравственности. Герои, воплотившие веру, – это старообрядец Евсей Мошкин, его жена Евдокия из тетралогии «Братья и сестры», Соломида, героиня рассказа «Из колена Аввакумова». Несгибаемость Евсея окажет влияние на Марфу, которая перейдет в старую веру. В романе «Две зимы и три лета», когда Лукашин едет в район защищать Мошкина, секретарь райкома Подрезов в диалоге с ним признается, что он сам из семьи староверов. Обратим внимание на следующий факт: когда журнал «Звезда» 19 апреля 1966 г. в редакционном заключении дает отрицательный отзыв на второй роман тетралогии «Братья и сестры» «Две зимы и три лета», для Абрамова возможность компромисса путём исправления трактовки образа Евсея Мошкина абсолютно невозможна. Как отмечала Л. В. Крутикова-Абрамова, «редакция предлагала <...> изменить трактовку Евсея Мошкина («нельзя по па рисовать человеком “чистой души”, ибо можно подумать, что этим качеством он обязан своей вере»). <...> Почти все замечания Абрамов отверг. А при дальнейшей переработке романа Евсея Мошкина оставил без изменений. Более того, душевная чистота и доброта Мошкина даже углублена» (Абрамов 1990–1995. Т. 1: 618). Детальную трактовку образа Мошкина дает в своих работах М. Н. Климова (Климова 2010,

2012: 36–41). Комментируя чудо в Андроньевом монастыре в житии протопopa Аввакума, она пишет, что «незаурядными личными качествами визионера объяснимы не только яркость деталей видения, но и его содержание, в котором нашли свое почти материальное выражение сила духа и непоколебимая вера Аввакума» (Климова 2012: 39). Она аргументирует смысловую параллель между героиней Ф. А. Абрамова Соломидой (Соломеей) и неистовым протопопом: «Вера не только в справедливость и богоугодность его борьбы за “древнее благочестие”, но и в жизненность книжных рассказов о том, как Бог помогает любящим Его. Руководимые этой верой и мобилизованные экстремальной ситуацией силы его могучего организма послали Аввакуму спасительную галлюцинацию, выстроенную по модели житийных рассказов» (Климова 2012: 39–40). Подобным образом автор обосновывает мотивировку событий у Ф. А. Абрамова: «Продолжение этой темы обнаруживается в рассказе Ф. А. Абрамова со знаменательным для нас заглавием “Из колена Аввакумова”. Его героиня, старообрядка Соломея, брошенная в карцер за отказ работать в сталинском лагере по воскресным дням, силой своей молитвы согревает ледяной застенок и к удивлению ее палачей выходит из него невредимой». Восстановление событий творческой биографии Ф. А. Абрамова, анализ редакций рассказа позволяют сделать вывод о том, что для писателя, конечно, происходящее с его героиней не «галлюцинация», а зримое воплощение веры и богоугодной жизни. Подобное видение, очевидно, характерно для развития замысла «Чистой книги», в которой ключевыми образами для постижения исторического пути и преемственности должны были стать Махонька и протопоп Аввакум (Петров). Общеизвестно, что материал для книги писатель собирал 25 лет. Начальные заметки были сделаны в 1958 г., последние – незадолго до смерти. Вдова восстановила первые 18 глав, компоновав неоконченный роман на основании набросков, планов, писем, диалогов и интервью (Абрамов 2008: 10). Заглавие романа «Чистая книга», рожденное под воздействием легенды о праведной книге, написанной Аввакумом и ушедшей в народ, чтобы со временем открыться неиспорченному сознанию, он нашел в 1978 г. Дневниковые записи 28 и 29 мая 1978 г. указывают на его источник: «Легенда: в русском народе живет предание о Чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни. Чистая книга писана в кромешной темноте, в яме, но она вся так и светится, потому что она написана святым человеком. Человек, сподобившийся прочесть эту книгу, прозревает на всю жизнь. Из слепого делается зрячим <...>. В легенде о Чистой книге вся Россия, весь русский человек со своими сильны-

ми и слабыми сторонами. Сильная – стремление к чистоте, к праведной жизни. Слабая – надежда на чудо. Не сам человек делает жизнь, а надеется на других...» (Абрамов 2008: 10).

Неожиданно близко оказываются в истории люди, времена и места. Ряд героев и событий, происходивших на родине писателя и определивших его творчество, удивительно сближаются. Воевода Афанасий Пашков, гонитель и оппонент протопопа Аввакума в борьбе за чистоту веры, один из героев «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», после чудесного исцеления своего сына Иеремии повелел заложить церковь на месте обретения мощей святого праведного Артемия, где позже образовалась монашеская пустынь и куда по указу царя в 1647 г. были перенесены мощи святого праведного Артемия. Так Веркола соединяет образы святых русской православной и русской православной старообрядческой церкви. Место рождения и упокоения Федора Абрамова исторически и географически создает обстоятельства для появления писателя, который в юные годы хотел походить на святого праведного Артемия, Веркольского чудотворца, а потом горячо принял советскую власть, в поиске веры прошел противоречивый, но искренний путь. На этой дороге происходят драматические события, отодвигающие почти состоявшуюся встречу с Пустозерском. Знакомство Ф. А. Абрамова с В. И. Малышевым, автором материалов к «Летописи жизни протопопа Аввакума», не оборвалось после несостоявшегося паломничества в 1966 г. к месту, где был Пустозерск.

Начавшаяся незадолго перед готовящейся совместной поездкой к месту последнего заточения и казни Аввакума переписка Ф. А. Абрамова и В. И. Малышева – письмо ученого от 2 августа 1965 г. и 16 писем Ф. А. Абрамова до 2 января 1975 г. (РО ИРЛИ), дневники Ф. А. Абрамова показывают значимость встречи и ее предысторию. В. И. Малышев с Ф. А. Абрамовым едут на Соловки на пароходе «Татария»; эта поездка была включена в программу проходившей 7–11 июля 1966 г. в Архангельске конференции «Памятники культуры Русского Севера». Для Ф. А. Абрамова участие во Всесоюзной научной конференции и первая поездка на Соловки оказались исключительно важными. Он не был в числе участников конференции, поэтому не упоминается в ее материалах. История реконструируется из дневниковых, эпистолярных и мемуарных свидетельств. В письме Людмиле Владимировне Крутиковой-Абрамовой 9 июля 1966 г. он объясняет: «А я всё еще в Архангельске. Дело в том, что здесь работает всесоюзное совещание по охране памятников, и я решил задержаться, т<ак> к<ак> они, помимо докладов, еще и смотрят.

Вчера, например, ездили на Мудьюг <...>, а сегодня поедem на Соловки <...>. Погода здесь теплая... Малышев – человек интересный. Даже только ради того, чтобы узнать этот тип человека, стоило поехать сюда» (Мартынов 2019: 71).

Знакомство с В. И. Малышевым переросло в общение единомышленников, причем его начало было омрачено драматическим событием, ставшим, вероятно, одной из причин глубоко доверительных отношений, продолжавшихся до самой кончины ученого в 1976 г. Трудно допускающий в круг дружеского общения новых людей Ф. А. Абрамов увидел раскрывшегося в трудной ситуации В. И. Малышева. 11 июля 1966 г. у писателя произошел микроинфаркт, в этот день они виделись с В. И. Малышевым и собирались в Пустозерск. Ф. А. Абрамов, беспокоясь, чтобы жена не прервала свой отдых из-за его болезни, не сразу раскрывает ей причины несостоявшейся поездки и лишь 24 июля 1966 г. пишет: «В. И. Малышев сейчас на Печоре. Он славный мужик. Целую неделю жил в Архангельске из-за меня» (Абрамов 1990–1995. Т. 6: 426). В. И. Малышев улетит в Нарьян-Мар 16 июля 1966 г., а совместной поездки к месту сожжения протопопа Аввакума у них, к сожалению, не получится и позже. Ф. А. Абрамов 17 июля 1966 г. писал жене, характеризуя Владимира Ивановича Малышева: «Словом, на Печоре в этом году не побывать. Владимир Ив<анович> Малышев > чудный человечина – вчера улетел один» (Мартынов 2019: 77).

Свое намерение приехать в Нарьян-Мар и Пустозерск Ф. А. Абрамов сможет осуществить менее чем за два года до собственного ухода, 7–13 августа 1981 г. В этой поездке его сопровождали уроженец здешних мест, литературовед и критик А. А. Михайлов, журналист В. Ф. Толкачев с женой Ларисой, которые оставили воспоминания об этом событии. Заинтересованное общение с В. И. Малышевым продолжалось. Вот, например, бытовой эпизод, услышанный от Малышева в 1962 г. – «Когда бывает икра в Архангельске» (Мартынов 2019: 282–283), выросший до символической истории, написанной 3 октября 1967 г. для «Былей-небылей» (Абрамов 1990–1995. Т. 4: 418). В нем юмористически обыгранна ситуация дефицита и ее мгновенное (но временное) изменение в связи с приездом первых лиц.

Безусловно, общение писателя и ученого не исчерпывалось подобными эпизодами. Нельзя не обнаружить общность влияния старообрядческой традиции и личности Аввакума не только на современников, но и на потомков. Этим в определенной мере объясняются судьба В. И. Малышева и отношение к нему Ф. А. Абрамова. Планирующий стать инженером и потрясенный «Житием протопопа Аввакума, написанным им самим», В. И. Малышев

изменяет планы, посвящает свою жизнь собиранию, изучению древнерусской книжности, текстов Аввакума, легенд о протопопе. Он добивается установки на свои средства обелиска в Пустозерске в 1964 г. Думается, что деятельная позиция ученого была близка Ф. А. Абрамову. Верность своему призванию, как ключевое качество В. И. Малышева, еще в 1934 г. отправившегося в Пустозерск и до последних дней своей жизни сохранившего преданность древнерусской старине, для Ф. А. Абрамова – в одном ряду с волей и целеустремленностью протопопы Аввакума. Ведь и сам писатель резко меняет свою жизнь, оставив заведование кафедрой советской литературы в Ленинградском университете и окончательно выбрав призвание писателя, которое для него было несовместимо с научной карьерой. Мы не можем утверждать, была ли между ними переписка в последний год жизни ученого, но имеющиеся эпистолярные, дневниковые источники, биография дают основание предположить, что практически до 1976 г. общение не прекращалось, а мысль о посещении Пустозерска оставалась для Ф. А. Абрамова желанной. Среди книг, подаренных Ф. А. Абрамову, сохранился сборник В. И. Малышева с посвящением от коллег, который ученый подписал 30 апреля 1974 г.: «Дорогому Фёдору Александровичу Абрамову с просьбой не поминать лихом виновника этого сборника» (*Крутикова-Абрамова* 2004: 60). Подтверждение интенсивности общения находим и в дневниковых записях Ф. А. Абрамова.

После смерти В. И. Малышева в 1976 г. Ф. А. Абрамов пишет очерк «Когда умирает праведник» (*Абрамов* 1993: 143–149), по вариантам которого можно сделать вывод о том, что глубокое увлечение личностью и деятельностью Аввакума сыграло в этом не последнюю роль и что для писателя народная вера, разные направления православия, включая старообрядчество, отражают всю полноту традиции горячего религиозного искания правды. Очерк остался незаконченным, но он исключительно важен для восстановления полной картины мировоззренческих основ метода Ф. А. Абрамова, пути от Верколы к Пустозерску. Варианты черновиков позволяют предположить направление редактирования.

В 1976 г., когда в научном учреждении в нерелигиозное время хоронят В. И. Малышева, который, как и Ф. А. Абрамов, был членом партии, писатель дает этому событию характеристики, важные для определения верующего человека и великого труженика. Он пишет о праведности так, что мы можем уверенно констатировать: на уровне значения и содержания этого феномена он получает неизмеримо более глубокое воплощение по сравнению с его толкованием в художественных произведениях писателя. В публицистическом тексте дано исчер-

пывающее определение праведника и праведности. Это становится возможным, потому что факты праведной жизни освящены традиционным религиозным пониманием, нет места домыслу или их метафорическому осмыслению, они просты и точны, в деталях создавая гармоничный образ не идеального человека, но бескорыстного служения. Варианты незавершенного очерка позволяют сделать вывод не только о большей аналитичности и обобщенности, но и о глубине понимания праведности и о совпадении для автора очерка реальности и представлений об этом явлении. В центре произведения – личность праведника, в основе – пасхальный хронотоп и сюжет. Хоронили в Пасху, Ф. А. Абрамов «выпевает» такой чудесный очерк, который один мог стать достаточным аргументом в пользу глубокой внутренней религиозности его автора. Ни одной фальшивой ноты, ни одного мрачного диссонанса; «смертию смерть поправ» становится внутренней доминантой проблематики, пространственно-временных и стилевых признаков. Происходит преодоление времени, данное в гармонии языка. Очерковое начало в фиксировании бытовых подробностей, в неготовности могилы, описании «работяг» «с красными носами» перетекает в паузу, тишину ожидания.

Начало работы над очерком относится к маю 1976 г., сразу после похорон, окончательный вариант датируется ранней весной 1980 г., через четыре года после первой зарисовки. Изменения, которые содержатся в промежуточных вариантах, к сожалению, не успели полностью войти в текст 1980 г. Сопоставляя автора и его героя, Л. В. Крутикова-Абрамова пишет: «Их роднила любовь к Русскому Северу, к крестьянской культуре, к животворным истокам, сохранившимся в деревянном зодчестве, в рукописных книгах, в преданиях, в устном слове. Федор Александрович был на похоронах Малышева в мае 1976 года. Его поразило в тот день многое, и 24 мая он сделал первый набросок к будущему рассказу» (*Абрамов* 1993: 143).

В первой зарисовке очень важны примеры острой наблюдательности писателя, которого потеря лишает полноты охвата взгляда. Запоминаются символические, ставшие лейтмотивными, детали: описание лебедей и мотив преображения человека (в диалоге с могильщиком, прошедшим путь от равнодушия к потрясению). Осенью, вернувшись 21 ноября 1976 г. к тексту, Ф. А. Абрамов дополняет его обобщением, а в образный ряд включено сравнение лебедей с ангелами: «Пронеслись над гробом, как белые ангелы, и растаяли в голубизне» (*Абрамов* 1993: 144). Интенсивность размышлений и неутихшая боль сказались в доработке текста 22 декабря: появляется эпизод об улыбке Владимира Ивановича. В последнем варианте 1980 г. вновь восстанавлива-

ется отсутствовавшее в промежуточных вариантах сравнение коры берез со «староверческими письменами»: «Удивительно благостно и хорошо было в этот последний день пасхальной недели. Нежаркое солнце, чистое, по-весеннему промытое небо, земля, пробуждающаяся к жизни, белые берёзы в чёрных староверческих письменах, первые почки, несмело проклюнувшиеся на ветках. И гроб был тоже белый, а не красный, как это обычно принято (ведь Владимир Иванович был членом партии), и цветы, и венки были тоже белые... Все белое, чистое...» (Абрамов 1993: 143). О заслугах перед наукой сказано емко и точно, о душе, которая удивительным образом раскрывается в сцене похорон, мы получаем глубокое развернутое представление, погруженное в религиозную традицию, которая соединяет студенческое прозвище Владимира Ивановича (Аввакум) (Пигин 2023: 74), его жизнь и смерть.

Сквозной мотив чуда, проходящий через портретный очерк, предстает для читателя в образе белого клина лебедей, которые пролетают перед самым закрытием крышки гроба: «И вот тут -то <...> и произошло это чудо: в небе появилась стая белых лебедей. Они летели низко в метрах пятидесяти над землей, так что все отчётливо увидели их чёрные вытянутые лапки. Сияло солнце, сияло весеннее голубое небо, и неземным светом сияли белые лебеди, благоговейно пролетавшие над раскрытым гробом» (Абрамов 1993: 144). И далее происходит преобразование человека. Могильщик, растрогавшийся и получивший на свой вопрос о личности покойного ответ, что хоронят праведника, «не язвил. Подумал и сказал: “Тогда понятно, Двадцать пять лет работаю, а такого не видал, и от других не слышал”» (Абрамов 1993: 144). Думается, что такой очерк после похорон мог написать только человек, друг которого ушел. Душевная и духовная общность удивительным образом рифмуется с обстоятельствами похорон Ф. А. Абрамова в 1983 г.: в это время над угором пролетел клин журавлей, образы обеих птиц в народной традиции олицетворяют чистоту и свет.

В оценке роли В. И. Малышева в культуре Ф. А. Абрамов соединяет покаяние и глубокое удивление перед чудом появления человека, подобного Малышеву, в 30-е годы XX в.: «Вздыхался девятый вал культурной революции <...> Я сам был из тех, кто стаскивал крест. Верил: делаю великое дело. Были в стране люди, понимавшие весь ужас происходящего. Были. Старухи, старушонки. Интеллигенты... Но что они могли сделать. А нужен был человек, который бы, фанатически одержимый, взялся за это дело. Человек типа Аввакума, но только обладающий способностью приспосабливаться к среде, выступить в защиту старой книги, сообразуясь с особенностями времени. Такой человек нашёл-

ся – В. Малышев» (Абрамов 1993: 146). Объясняя мотивы деятельности В. И. Малышева, Ф. А. Абрамов пишет: «Решающую роль сыграл Аввакум, его житие. Оно оглушило... Ярость многострадального Аввакума передалась ему...», «в нём сказался характер Аввакума. Один против всех. Против времени. Да, в тридцатые годы вступить за церковщину (а так называли старые книги) сродни было мятежу, поднятому в свое время Аввакумом» (Абрамов 1993: 146). Перелом в судьбе рукописей объяснен деятельной энергией одного человека, который сумел победить обстоятельства: «Они мокли под дырявыми крышами, их точили мыши, погнали тараканы, они шли на растопку, на обертку, их пудами и тоннами свозили в утиль, и лишь какая-нибудь набожная старушонка и старик, по преимуществу из староверов, да какой-нибудь ученый книжник давали у себя им приют» (Абрамов 1993: 149). Точность и афористичность стиля, глубина осмысления деятельности ученого в работе над очерком позволяют проследить, как значительно повлиял В. И. Малышев на необходимость побывать в Пустозерске и трактовку Ф. А. Абрамовым корневых оснований культуры. Единственный факт нуждается в уточнении с учетом данных, которые были обнаружены на Малышевских чтениях в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН в 2007 г. Г. В. Маркеловым. «Актёрствовал, если надо. Охотно разыгрывал из себя старообрядца», – пишет Ф. А. Абрамов (Абрамов 1993: 148). Как доказывает Г. В. Маркелов, В. И. Малышев был старообрядцем с 1954 г. (Маркелов 2008: 510–517).

Для уточнения православно-религиозной составляющей мировоззренческих координат писателя важно общение с уроженцем Пустозерья А. А. Михайловым, закономерна дружба с литературоведом и критиком, уроженцем деревни Куя Печорского у., дед которого по отцовской линии был священником и служил до 1930-х годов в Пустозерской церкви. Начало комментирования переписки А. А. Михайлова и Ф. А. Абрамова с весны 1980 г. положено Г. Г. Мартыновым (Мартынов 2025). Для нас важно понимание, почему именно А. А. Михайлов станет инициатором состоявшейся наконец в 1981 г. поездки на родину своих дедов, к месту последнего 14-летнего заключения и казни Аввакума. Оно возникает как из соратничества, сходства видения корней, так и из оценки им личности и выступлений писателя XX в., в которых пламя и боль переплавляются в слово: «Когда он говорил с трибуны <...> в Большом Кремлевском дворце, меня не покидало ощущение огромной значимости происходящего. Это был страстный проповедник, народный трибун, рожденный для того, чтобы словом обжигать людей, вести за собой

массы» (Михайлов 1999: 108). Рядом с веркольцем Ф. А. Абрамовым во время встречи с Пустозерском в 1981 г. был не только А. А. Михайлов, но и журналист В. Ф. Толкачев и Л. Б. Толкачева (Толкачева 2020: 23–26). Из их воспоминаний наиболее емкими и написанными пронзительным языком остаются воспоминания Виктора Федоровича Толкачева, не знавшего до этого Ф. А. Абрамова лично. Обладая несомненным даром слова и навыками журналиста, он сумел психологически достоверно описать состояние Ф. А. Абрамова под проливным дождем у обелиска Аввакуму: «Да-а, – протянул вдруг Абрамов. – Здесь нельзя было жить без веры – без великой веры! Вот они, корни наши <...>. Здесь иначе не выжить. <...> Я сегодня счастлив!» – говорил он то ли себе, то ли дальним лесам, то ли близкому – вот оно! – небу в дожде. <...> И потому, оглядывая небо и дали, подсвистывая какой-то пичуге и трогая травы руками, Абрамов снова и снова говорил: «Я счастлив. Счастлив, что побывал на земле, где творил великий духом Аввакум!.. <...>» Он последним прошагал к лодке» (Толкачев 2020: 11).

Подводя итог, отметим, что Веркола и Пустозерск как два значимых топоса дают возможность реставрировать значение и роль круга единомышленников Ф. А. Абрамова в его поисках религиозных оснований деятельности. Подобно любимому писателем образу Махоньки из задуманного романа «Чистая книга», они соединяют времена, пространства, людей, историю и мифологию в традиции поиска веры. К. П. Гемп, В. И. Малышев, А. А. Михайлов, В. Ф. и Л. Б. Толкачевы родственны твердостью в достижении цели, служением людям и науке, и для Ф. А. Абрамова они отвечают критериям искренности и масштабности Аввакумова служения.

Он находил опору в узком кругу соратников, людей, тонко чувствующих красоту окружающего

мира и отличающихся душевной силой и творческим видением мира. Символично, как на родине, ставшей, согласно его воле, местом упокоения, самые близкие его друзья-художники верколец Дмитрий Михайлович Клопов и ленинградец Федор Федорович Мельников отразили память о писателе на языке искусства. Первый временный обелиск со звездочкой на могиле Ф. А. Абрамова поставлен племянником, табличку на нем сделал Дмитрий Михайлович Клопов. Федором Федоровичем Мельниковым был создан гранитный памятник, напоминающий горящую свечу, в память о кострах, которые они жгли на Пинеге. Можно предположить, что, когда вдова Ф. А. Абрамова выбрала из множества именно этот эскиз, идея «друга души» (характеристика Ф. А. Абрамовым Ф. Ф. Мельникова) была ей близка оттого, что это и образ пламенного, яркого слова писателя и публициста Ф. А. Абрамова, он включает в смысловое ассоциативное поле и образ неистового Аввакума. Оба памятника отражали верность писателя памяти одноклассников, погибших в первые дни войны во время защиты Ленинграда; быть достойным их означало для него активную позицию в отстаивании правды и православленную основу творчества человека тревожного и противоречивого XX в. Ф. А. Абрамова. Оба основания отражены в важности для писателя общения с земляками, творческой интеллигенцией и учеными, которые были значимы для него в силу душевной склонности, они обозначают ценностные точки его жизни: Верколу и Пустозерск. Путь к Пустозерску начинается с Верколы и определяется для Ф. А. Абрамова через общение с людьми, для которых протопоп Аввакум был не только исторической фигурой, повлиявшей на развитие публицистической традиции словесности, но и важной частью их жизни.

Источники и материалы

Абрамов 1993 – Абрамов Ф. А. Когда умирает праведник // Север. 1993. № 1. С. 143–149.

Абрамов 1954 – Абрамов Ф. А. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки) // Новый мир. 1954. № 4. С. 210–231.

Абрамов 1983 – Абрамов Ф. А. Об этой книге и ее авторе // Гемп К. П. Сказ о Беломорье / вступ. ст. Ф. А. Абрамова; предисл. Д. С. Лихачева. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1983.

Абрамов 1990–1995 – Абрамов Ф. А. Собрание сочинений в 6 т. СПб.: Художественная литература: Санкт-Петербургское отделение, 1990–1995.

Абрамов 1995 – Абрамов Ф. А. Так что же нам делать?: Из дневников, записных книжек, писем. Размышления, сомнения, предостережения, итоги / сост. Л. В. Крутиковой-Абрамовой. СПб.: Журнал «Нева», 1995.

Абрамов 2008 – Абрамов Ф. А. Чистая книга: Незавершенный роман / публ. Л. В. Крутиковой-Абрамовой. СПб.: ГАМАС, 2008.

Аввакум 1934 – [Аввакум]. Житие протопopa Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. М.: Academia, 1934.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1, 99.

- Доморощенин 2019 – Доморощенин С. Н. Великий счастливец: биография Фёдора Абрамова: к столетию со дня рождения писателя, 1920–2020. Архангельск: КИРА, 2019.
- Жернаков 1985 – Жернаков Н. К. «Кони мои, деревянные кони...» // Литературная Россия. 1985. 1 марта. С. 6–7.
- Коняев 2023 – Коняев Н. М. Житие Федора Абрамова. М.: Вече, 2023.
- Крутикова-Абрамова 1988 – Крутикова-Абрамова Л. В. Дом в Верколе. Л.: Советский писатель, 1988.
- Крутикова-Абрамова 1997 – Крутикова-Абрамова Л. В. Федор Абрамов и христианство // Нева. 1997. № 10. С. 174–183.
- Михайлов 1999 – Михайлов А. А. Моя гиперборея: Статьи о литературе, воспоминания. Архангельск: Издательство Помор. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1999.
- Овсянкин 2010 – Овсянкин Е. И. Из родословной Фёдора Абрамова // Известия Русского Севера. 2010. № 1. С. 28.
- Толкачев 2020 – Толкачев В. Ф. Последний поклон Пустозерску // Правда Севера. 2020. № 22 (26984). 12 июня. С. 10–11.
- Толкачева 2020 – Толкачева Л. Б. В одной лодке с Абрамовым // Федор Абрамов. Встречи: сборник воспоминаний. Архангельск: ООО «Медиатехнологии», 2020. С. 23–26.
- Трушин 2021 – Трушин О. Д. Федор Абрамов. Раненое сердце. М.: Молодая гвардия, 2021.

Научная литература

- Климова М. Н. От протопopa Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе. М.: Индрик, 2010.
- Климова М. Н. Из агиографических комментариев к Житию протопopa Аввакума («чудо в Андроньевом монастыре» и Житие пророка Аввакума) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 36–41.
- Крутикова-Абрамова Л. В. Голоса из прошлого: Автографы на дарственных книгах Федору Абрамову // Петербургская библиотечная школа. 2003. № 4. С. 25–57.
- Крутикова-Абрамова Л. В. Голоса из прошлого: Автографы на дарственных книгах Фёдору Абрамову // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 46–67.
- Мартинов Г. Г. Летопись жизни и творчества Федора Абрамова: 1920–1983. Кн. I: 1920–1958. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2015.
- Мартинов Г. Г. Летопись жизни и творчества Федора Абрамова: 1920–1983. Кн. II: 1959–1965. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2017.
- Мартинов Г. Г. Летопись жизни и творчества Федора Абрамова: 1920–1983. Кн. III: 1966–1969. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2019.
- Мартинов Г. Г. Ф. Абрамов: Путь к Пустозерску // Официальный сайт центральной районной библиотеки им. Соболева Санкт-Петербурга. URL: <https://necbs.spb.ru/bez-rubriki/fedor-abramov-put-k-pustozersku/> (Дата обращения: 2 сентября 2025 г.).
- Маркелов Г. В. Из переписки коллег-медиевистов: письма В. И. Малышева к А. Н. Робинсону // Славянский альманах. М.: Индрик, 2008. С. 510–517.
- Петров А. В. «Возжечь человеческое в человеке»: Ксения Гемп и Федор Абрамов // Постигание Севера: к 125-летию К. П. Гемп: Сб. материалов всероссийских научных чтений, посвященных юбилею <...> Ксении Петровны Гемп (Архангельск, 12 декабря 2019 года). Архангельск: [б. и.], 2019. С. 84–95.
- Пигин А. В. Воспоминания В. М. Морозова о В. И. Малышеве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 3. С. 69–89.

References

- Klimova, M. N. 2010. *Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: zhitiya «greshnikh svyatikh» v russkoi literature* [From Protopope Avvakum to Fyodor Abramov: Lives of «sinful saints» in Russian Literature]. Moscow: Indrik.
- Klimova, M. N. 2012. *Iz agiograficheskikh kommentariyev k Zhitiyu protopopa Avvakuma («chudo v Andronevom monastire» i Zhitie proroka Avvakuma)* [From the hagiographic comments on the Life of Protopope Avvakum («The miracle in the Androniev monastery» and the Life of the Prophet Avvakum)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 2: 36–41.
- Krutikova-Abramova, L. V. 2003. *Golosa iz proshlogo: Avtografi na darstvennikh knigakh Fyodoru Abramovu* [Voices from the Past: Autographs on Books Presented to Fyodor Abramov]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola* 4: 25–57.

- Krutikova-Abramova, L. V. 2004. Golosa iz proshlogo: Avtografi na darstvennikh knigakh Fyodoru Abramovu [Voices from the Past: Autographs on Books Presented to Fyodor Abramov]. *Peterburgskaya bibliotechnaya shkola* 1: 46–67.
- Martinov, G. G. 2015. *Letopis zhizni i tvorchestva Fedora Abramova: 1920–1983. Kniga I: 1920–1958* [Chronicle of the Life and Work of Fyodor Abramov: 1920–1983. Book I: 1920–1958]. Saint Petersburg: Mir Publishing House.
- Martinov, G. G. 2017. *Letopis zhizni i tvorchestva Fedora Abramova: 1920–1983. Kniga II: 1959–1965* [Chronicle of the Life and Work of Fyodor Abramov: 1920–1983. Book II: 1959–1965]. Saint Petersburg: Mir Publishing House.
- Martinov, G. G. 2019. *Letopis zhizni i tvorchestva Fedora Abramova: 1920–1983. Kniga III: 1966–1969* [Chronicle of the Life and Work of Fyodor Abramov: 1920–1983. Book III: 1966–1969]. Saint Petersburg: Mir Publishing House.
- Martinov, G. G. 2025. *F. Abramov: Put k Pustozerstvu* [F. Abramov: The Road to Pustozersk]. URL: <https://nevcbs.spb.ru/bez-rubriki/fedor-abramov-put-k-pustozerstvu/> [Official website of the Sobolev Central District Library, Saint Petersburg].
- Markelov, G. V. 2008. Iz perepiski kolleg-medievistov: pisma V. I. Malisheva k A. N. Robinsonu [From the correspondence of fellow medievalists: letters from V. I. Malyshev to A. N. Robinson]. In *Slavyanskii almanakh* [The Slavic Almanac], 510–517. Moscow: Indrik.
- Petrov, A.V. 2019. «Vozzhech chelovecheskoe v cheloveke»: Kseniya Gemp i Fedor Abramov [«Igniting the Human in Man»: Ksenia Gemp and Fyodor Abramov]. In *Postizhenie Severa: k 125-letiyu K. P. Gemp: Sbornic materialov vserossiiskikh nauchnikh chtenii, posvyashchennikh yubileyu <...> Ksenii Petrovni Gemp (Arkhangelsk, 12 dekabrya 2019 goda)* [Comprehension of the North: on the 125th anniversary of K. P. Gemp: Collection of materials of the All-Russian scientific readings dedicated to the anniversary <...> Ksenia Petrovna Gemp (Arkhangelsk, December 12, 2019)], 84–95. Arkhangelsk.
- Pigin, A. V. 2023. Vospominaniya V. M. Morozova o V. I. Malisheve [V. M. Morozov's Memories of V. I. Malyshev]. In *Uchenie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University] Vol. 45. № 3: 69–89.

THE RELIGIOUS ORIGINS OF F.A. ABRAMOV'S WORLDVIEW: ORTHODOX TRADITIONS IN THE WRITER'S COORDINATE SYSTEM

Abstract. A study of the origins of F. A. Abramov's worldview, which largely shaped the artistic and journalistic genre and style features of traditional Russian literature, has allowed us to expand our understanding of the writer's creative individuality. Identifying the key role of toposes (Verkola and Pustozersk) has facilitated the reconstruction of the writer's holistic path, taking into account the most important events in his biography and the social processes in which he participated. The identified synthesis of the traditions of the Russian Orthodox, Orthodox Old Believer faith, and folklore provides the opportunity for a deeper understanding of the two poles in the writer's evolution: the pursuit of faith and its destruction. Detailing the causes and characteristics of his creative interactions with K. P. Gemp, A. A. Mikhailov, and V. I. Malyshev expands our understanding of the patterns of influence of traditions on the level of the writer's work and the literary process of the 20th century in its deep connections with Orthodoxy.

Keywords: F. A. Abramov, worldview, Orthodoxy, prose, journalism, traditions, folklore, artistic method.

Authors Info: Kazantseva, Irina A. – Doctor of Philology, Professor at Tver State University (Tver, Russian Federation). E-mail: irina10768@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2067-0637>

For citation: Kazantseva, I. A. 2026. The religious origins of F. A. Abramov's worldview: orthodox traditions in the writer's coordinate system. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 44: 16–26

